

Глава 10. Потрошитель из Туманного города

Город Дерлан располагался неподалёку от Лондона.

Старая карета миновала лес дымящих труб и, следуя вдоль оживлённых берегов Темзы, покинула пределы города. Спустя два часа Ли Цзяньчуань увидел вдали очертания горного поселения.

Это место давно облюбовали как обедневшие аристократы старой закалки, так и представители новой знати, искавшие тишины и уединения. Здесь сельские дороги, вопреки обыкновению, были широкими и гладкими, а едкий лондонский туман постепенно рассеивался, уступая место чистому, влажному воздуху, пропитанному ароматом свежей травы.

На бурых пастбищах мирно паслось стадо коров, а каменные дома в викторианском стиле — по большей части в духе неоготики — стояли в строгом, чинном порядке. Этот архитектурный стиль придавал Дерлану, при всей его пасторальной тишине, некую зловещую, острую холодность.

Ипподром находился довольно далеко к северу от самого городка. Это была открытая равнина с сочными изумрудными лугами, по которым величаво носились молодые лошади. Когда троица прибыла на место, трибуны уже были заполнены людьми. Снаружи теснились десятки карет — от роскошных экипажей до скромных повозок, — за которыми присматривали конюхи.

Ли Цзяньчуань понимал, что его личность игрока уже раскрыта для посвящённых, но когда он появился, толкая перед собой инвалидное кресло с Нин Чжунем, никто из присутствующих не выказал ни капли подозрения. Дамы и господа лишь с обычным светским любопытством поглядывали на пришедших. Многие, по-видимому, знали Конна и вежливо приветствовали его.

— Детектив Конн, не ожидал встретить вас здесь.

К ним подошёл высокий худощавый мужчина, одетый как истинный английский джентльмен. Сняв шляпу, он обменялся рукопожатием с Ли Цзяньчуанем. За его спиной маячил невысокий веснушчатый юноша.

— А вы ведь госпожа Анна? — мужчина повернулся к женщине. — Я Джордж. Мы встречались в книжном магазине вашего супруга. Вы по-прежнему элегантны и прекрасны.

Ли Цзяньчуань молча ответил на рукопожатие с привычно холодным и безучастным видом.

Анна, мягко улыбнувшись, подхватила беседу:

— Здравствуйте, мистер Джордж. Детектив Конн и мой друг Райс прослышали о скачках в

Дерлане и решили немного развеяться. Сами знаете, как томительно скучно тянутся часы при свете дня, а эти жуткие новости о серийных убийствах держат всех в страхе... Нам просто необходимо было что-то приятное и расслабляющее.

— О, вы совершенно правы, — кивнул собеседник. — Я помню, вы живёте на Уайтчепел-стрит, будьте предельно осторожны. Сегодня здесь много друзей из вашего района, и все только об этом и говорят.

Беседуя, они прошли на территорию и заняли свои места. Анна, явно подготовившаяся к роли, вела себя безупречно: её манеры и тон в точности соответствовали повадкам коренной лондонской дамы. Она была настоящей королевой экрана.

Однако Джордж оказался человеком весьма эрудированным. Когда разговор зашёл о классической музыке и местных обычаях, женщина быстро начала терять нить, и инициативу незаметно перехватил Нин Чжунь. По знаку доктора Анна удалилась, чтобы завести знакомство с другими молодыми леди.

Нин Чжунь оказался ходячей энциклопедией. Он говорил с безупречным лондонским акцентом, сдержанно и мягко рассуждая о чём угодно — от погоды до архитектуры. Сегодня он слегка изменил внешность: золотистые волосы были собраны в хвост на затылке, лицо приобрело нездоровый восковой оттенок, а на переносице красовались тяжёлые очки в чёрной оправе. Форма глаз и губ была слегка изменена, что делало его куда более заурядным — перед окружающими предстал вежливый, высокообразованный учёный.

Джордж не скрывал восхищения. Всего за час между мужчинами завязалось некое подобие дружбы. Когда речь зашла о местных преданиях и городских легендах, джентльмен охотно предложил:

— Раз уж мы заговорили о странностях, то и в Дерлане есть одна такая история.

Как только прозвучали эти слова, Ли Цзяньчуань почувствовал, как едва уловимо изменилась аура вокруг. Те взгляды, что прежде скользили по ним лишь мельком, внезапно стали пристальнее. В зоне отдыха ипподрома воцарилась странная, гнетущая атмосфера.

На поле уже начались заезды. Юноши на статных скакунах неслись внутри ограждения, оглашая воздух восторженными криками. Рядом работали букмекеры, принимая мелкие ставки ради забавы. Мужчины вполголоса обсуждали стати лошадей, гадая, кто окажется быстрее, а дамы попивали чай, делясь секретами высшего света. С виду всё казалось обычным, но Ли кожей чувствовал острые, словно иглы, взгляды, вонзающиеся в них из невидимых углов.

— В Дерлане тоже есть свои легенды? — Нин Чжунь изобразил вежливый интерес.

— Это дело довольно давнее, — Джордж погрузился в воспоминания. — Возможно, вы заметили по дороге сюда заброшенное поместье, стены которого густо оплёл плющ? Это старая усадьба

семьи Гилберт. Прошло лет тридцать, не меньше... В те времена этот род был весьма могущественным и знатным.

Нин Чжунь слушал очень внимательно. Собеседник долго расписывал былое величие и богатство клана, прежде чем перейти к рассказу о его закате.

Главой семьи тогда был Старый Гилберт. Несмотря на прозвище, он находился в самом расцвете сил, когда несчастный случай оборвал его жизнь — он сорвался со скалы и разбился насмерть. В огромном поместье остались лишь его трёхлетний сын, Маленький Гилберт, и юная красавица-жена, леди Молли. Спустя год после смерти мужа она вышла замуж за какого-то безвестного бедняка и доверила ему управление всеми делами.

В Дерлане тогда многие решили, что вдова сошла с ума, ослеплённая любовью, и что состояние Гилбертов скоро пойдёт прахом. Но, вопреки ожиданиям, этот юнец оказался прекрасным управляющим. Талантливый, умный и хваткий, он быстро превратился из нищего проходимца в представителя новой знати и вошёл в высшее общество Лондона. При нём богатство семьи превзошло все прежние пределы.

Перелом случился через десять лет. Одной холодной осенью леди Молли подхватила странный недуг и скончалась. Её новый муж был безутешен. Он распустил всех слуг, закрыл дом и, забрав пасынка, покинул Дерлан. Никто не знал, куда они направились. С тех пор род исчез из этих мест, оставив после себя лишь пустующее поместье к западу от ипподрома.

— Усадьба стоит в отдалении от города, но поговаривали, что в те дни из неё то и дело доносились истошные, раздирающие душу крики. В дождливую погоду это звучало особенно жутко, — вполголоса продолжал Джордж. — Моя мать однажды навещала леди Молли. Она рассказывала, что та выглядела ужасно: бледная, как привидение, она в безумии выкрикивала какие-то проклятия. Священник из местной церкви тоже приходил, но всё было тщетно. Так она и умерла. С тех пор и по сей день люди по ночам или в пасмурные дни слышат крики, доносящиеся из того дома.

Сидящий рядом веснушчатый юноша вздрогнул, в его глазах промелькнул неподдельный страх. Нин Чжунь не стал больше расспрашивать о поместье Гилбертов, переведя разговор на другие странные происшествия. Ли Цзяньчуань сидел в стороне, потягивая горькое пиво и делая вид, что погружён в свои мысли.

Погода поздней осени переменчива. После обеда, состоявшего из сэндвичей и запечённого картофеля, когда время заездов ещё не успело наступить, небо Дерлана внезапно затянуло тяжёлым, иссиня-чёрным маревом.

— О, Боже! — раздались досадливые возгласы.

Отдыхающие хмурились, вынужденно прерывая развлечения и спеша к своим каретам. Но ливень обрушился мгновенно, за считанные секунды превратившись в настоящую бурю. Большая часть экипажей ещё не успела покинуть ипподром, когда прибежал запыхавшийся конюх с криком:

— Мост, ведущий в город, снесло вышедшей из берегов рекой!

Это было крайне скверное известие. Яростный шторм, казалось, вознамерился стереть всё с лица земли: ветер ломал деревья, кони тревожно ржали, и о том, чтобы вернуться в Лондон, не могло быть и речи. В этом хаосе Дерлан оставался единственным убежищем.

Представители ипподрома вышли к гостям с предложением переждать бурю в поместье Гилбертов. На этой стороне реки единственными постройками были каменные службы и та самая усадьба. Выбора не было. Поворчав, люди двинулись к заброшенному дому.

Это был мрачный и крайне неприятный вечер. Несколько карет под проливным дождём, ведомые проводниками, одна за другой въезжали на территорию поместья. Немой смотритель, приняв несколько фунтов чаевых, услужливо распахнул двери и зажёл восковые свечи, чтобы разогнать тьму.

Главным зданием усадьбы была четырёхэтажная вилла. Всех прибывших разместили в просторной гостиной на первом этаже. По стенам были развешаны потемневшие от времени картины и старинный фарфор, в нише чернел зев камина, а на столах тускло мерцали хрустальные светильники. Тяжёлые кружевные занавеси касались ковра, и безумно мечущиеся тени деревьев за окном рисовали на них причудливые, пугающие узоры. Воздух был пропитан запахом пыли и гниющей древесины.

Гости рассаживались по местам. Одна молодая аристократка с надменным лицом, явно недовольная обстановкой, велела своей горничной и кучеру разжечь камин.

— Просто отвратительно, — ворчала она.

Пожилая пара устроилась на диване у окна; жена, испуганно глядя на мечущиеся тени, прижималась к мужу, а тот негромко её успокаивал. Несколько юношей, участвовавших в утренних скачках, сгрудились у стола, оживлённо обсуждая заезды. Группа мужчин постарше, знакомых друг с другом, с трубками в зубах расхаживали по комнате, при свете свечей оценивая живопись на стенах.

Две женщины со своими слугами сидели ближе к камину, их лица выражали тревогу; они то и дело поглядывали на беснующуюся за окном стихию. Ли Цзяньчуань и его спутники заняли место в углу, Джордж с веснушчатым парнем расположились рядом. Тихие разговоры в гостиной то и дело заглушались раскатами грома и воем ветра.

Ли сидел, опустив взгляд, словно в забытьи, но всё его внимание было сосредоточено на присутствующих. Среди них определённо были игроки, и не один. Его чувства были обострены до предела: даже сквозь шум грозы он чётко различал каждый шёпот. Он ждал их ошибки.

Тем временем двое слуг той надменной леди, отправленные за дровами, всё не возвращались. Женщина начала проявлять беспокойство. Поколебавшись, она взяла свечу и направилась к выходу из гостиной, чтобы позвать своих людей. Зброшенное поместье и неистовство бури пробуждали в ней не самые приятные мысли. Тени ветвей за окном казались ей похожими на зловещие болотные деревья из жутких сказок, увешанные человеческой кожей и подстерегающие путников.

Она побледнела. Стараясь сохранять самообладание, она шла к дверям, и краем глаза невольно зацепила щель между шторами...

— А-а-а-а! — тишину прорезал истошный, захлёбывающийся крик.

Все вздрогнули и разом обернулись. Свеча в руке женщины выпала и погасла у её ног. Дрожа всем телом, она в ужасе указывала на окно:

— На... на дереве...

Вспышка молнии на мгновение озарила всё вокруг, и сразу вслед за ней раздался оглушительный удар грома. Резкий порыв ветра, ворвавшийся в щель, взметнул край кружевной занавески. В тот же миг на стекло снаружи из дождевой завеси плеснуло густое багровое пятно. Кровь медленно потекла по стеклу тяжёлыми каплями.

А следом, за окном, две искажённые, вытянутые человеческие кожи свесились с ветвей и с влажным шлепком прилипли к стеклу.

Лица всех присутствующих в мгновение ока стали мертвенно-бледными.

<http://bllate.org/book/15871/1437552>